

Айзек Азимов

Отказонеустойчивый

Fault-Intolerant (1990)

Перевод: М.Гутов

9 января

Я, Абрам Иванов, наконец приобрел себе домашний компьютер; текстовый процессор, если совсем точно. Я оттягивал это событие сколько хватало сил. Я искал веские аргументы. До сих пор я прекрасно обходился пишущей машинкой, что не мешало мне стать самым плодовитым автором в Америке. В прошлом году я опубликовал более тридцати книг. Среди них были небольшие детские книжки. Были антологии. Но были также и романы, сборники рассказов, эссе и публицистика. Стесняться мне нечего.

Зачем тогда, спросите, мне нужен текстовый процессор? Быстрее я все равно работать не могу. Но есть, знаете, такое понятие, как аккуратность. Печатать на машинке означает вносить бесконечные правки чернильной ручкой, чего, надо сказать, уже давно никто не делает. Я не хочу, чтобы моя рукопись выглядела как белая ворона. Не хочу, чтобы редакторы рассматривали мою работу как второсортную только потому, что на ней сохранились следы правки.

Проблема заключалась в том, чтобы найти машину, на которой мне не пришлось бы года два учиться работать. Я не могу похвастаться особой сообразительностью... в чем неоднократно признавался на страницах своего дневника. И еще. Желательно, чтобы эта машина не ломалась через день. Механические поломки меня убивают.

Поэтому я приобрел «отказоустойчивую». Это означает, что, если что-то пойдет не так, машина будет себе работать дальше, определит вышедший из строя узел, по возможности его исправит, а если у самой не получится, то доложит о поломке, устранить которую способен любой человек. Другими словами, на ней может работать не специалист. Как раз то, что мне надо.

5 февраля

Последние дни я почти ничего не писал, так как все время возился с процессором. С трудом начало получаться. Но работа пока идет медленно. Должен сказать, что коэффициент умственного развития у меня высокий, но само развитие весьма специфично. Писать я умею, а вот управляться с механическими приборами – не очень.

В общем, дело движется. Причина же моего относительного прогресса заключалась в следующем. Представитель производителя пообещал, что машина не будет давать сбоев, а если такое и случится, всегда сумеет самостоятельно их отладить. Замену частей придется делать не чаще чем раз в пять лет.

А когда все-таки потребуется что-нибудь поменять, компьютер сообщит, какой узел вышел из строя, после чего сам произведет замену, подсоединит провода, смажет детали и отторгнет неисправный блок, который потом надо выбросить.

Подобное не может не увлечь. Мне вдруг захотелось, чтобы что-то вышло из строя и я, как бы невзначай, смог бы заметить в кругу знакомых: «Вот, полетел предохранитель на дисконбобуляторе. Пришлось менять. Плевое дело. Для меня это пустяки». Все равно никто не поверит.

Хочу написать на своем процессоре рассказ. Коротенький. Не более двух тысяч слов. Если запутаюсь, всегда можно пересесть на машинку, а потом, когда обрету уверенность, попробовать снова.

14 февраля

Я не запутался. Теперь, когда дело сделано, я могу говорить об этом спокойно. Рассказ пошел как по маслу. Я отнес рукопись в редакцию, и ее без всяких проблем приняли. Все, как положено.

Вот я и приступил наконец к новому роману. За него следовало сесть еще месяц назад, но я хотел вначале научиться работать на текстовом процессоре. Надеюсь, что все получится. Даже забавно, что не придется перелопачивать груды желтых листов, когда захочу уточнить, что же я написал сто страниц назад. Бог даст, научусь делать это и на дисках.

19 февраля

В компьютере установлена система исправления орфографических ошибок. Я даже растерялся, поскольку представитель фирмы меня не предупредил. Поначалу машина не обращала внимания на опечатки, и мне самому приходилось вычитывать каждую страницу. Затем, ни с того ни с сего, процессор начал помечать каждое незнакомое ему слово. Это оказалось весьма некстати, поскольку у меня богатый словарный запас и я люблю придумывать так называемые неологизмы. Разумеется, все имена собственные компьютер тоже воспринимает как ошибки.

Бесконечные поправки, в которых не было никакой необходимости, меня раздражали, и я позвонил на фирму.

Представитель сказал:

– Не волнуйтесь, мистер Иванов. Если процессор ставит под сомнение слово, которое вы не хотите исправлять, просто напечатайте его еще раз. Тогда он перестанет обращать на него внимание.

Это меня озадачило.

– Неужели придется составлять словарь для компьютера? Как же он узнает, что верно, а что нет?

– Это и есть отказоустойчивость, мистер Иванов, – ответил он. – Базовый словарь уже заложен в машину. Теперь она набирается от вас новых слов. Со временем вы заметите, что незнакомых слов становится все меньше и меньше. По правде говоря, мистер Иванов, у вас самая последняя модель. Мы сами не знаем до конца всех ее возможностей. Наши испытатели называют отказоустойчивостью способность процессора продолжать работу, несмотря на собственные ошибки. При этом он не должен допускать ошибок со стороны пользователя. В этом и заключается отказоустойчивость. Пожалуйста, звоните, если что-то покажется вам сложным. Компании чрезвычайно важно знать ваше мнение.

Не нравится мне все это.

7 марта

Я продолжаю биться с текстовым процессором и, право, не знаю, что и думать. В течение долгого времени он отмечал все неправильные слова, а я терпеливо печатал их по второму разу. Компьютер определенно научился выделять настоящие ошибки. С этим проблем не

возникало. Иногда я специально изменял в длинном слове какую-нибудь букву, чтобы посмотреть, ухватится ли он за опечатку. Например, я печатал «превосхотить», или «ваккум», или «Конектикут». Процессор почти никогда не ошибался.

И вот вчера произошло примечательное событие. Процессор перестал ждать, когда я напечатаю ошибочное слово по второму разу. Он начал самостоятельно исправлять написанное. Бывает, невольно ткнешь пальцем в соседнюю клавишу, и получается «н5т» вместо «нет». И вдруг на моих глазах «5» превращается в «е». Да так быстро!

Я начал намеренно вставлять в слова неверные буквы. На экране мелькало предупреждение об ошибке. Не успевал я моргнуть, как процессор менял букву на правильную.

Сегодня утром я позвонил представителю.

– Хм-м, – произнес он. – Любопытно.

– Скорее опасно, – проворчал я. – Компьютер может внести в текст ошибки. Если я напечатаю «плвт», должен ли он исправить это буквосочетание на «плавать» или «плавить»? И как прикажете быть, если машина решит, что я имел в виду «плавать», а я хотел написать «плевать»? Улавливаете мою мысль?

В ответ он мне заявляет:

– Я обсуждал ваши проблемы с лучшим разработчиком фирмы. Он говорит, что процессор научился улавливать внутренний смысл вашей работы и знает, какое именно слово вы хотели употребить. По мере того как вы пишете, он настраивается на ваш стиль и интегрирует его в свою память.

Жутковато, но, наверное, удобно. Теперь не надо вычитывать рукописи.

20 марта

Вычитывать рукопись и в самом деле не пришлось. Машина взяла на себя даже пунктуацию и порядок слов.

Когда это произошло впервые, я не мог поверить своим глазам. Решил, что у меня помутнение.

Между тем компьютер все чаще делал исправления, не дожидаясь моей команды. Наконец наступил момент, когда я понял, что не могу по своей воле совершить грамматическую ошибку. Если бы я попытался написать что-то наподобие «Джек, и Джил полезли в гору», запятая просто бы не появилась. Как бы я ни старался написать «Я имеет книгу», на экране все равно появлялось «Я имею книгу». Точно так же я не смог бы написать фразу «Джек, равно как и Джил, полезли в гору» без запятых. Они появились бы без моего вмешательства.

Хорошо, что я веду этот дневник от руки, иначе бы мне не удалось объяснить, что я имею в виду. Я бы не сумел привести пример с ошибкой.

По правде говоря, мне не очень нравится, что компьютер спорит со мной по поводу грамматики. Еще хуже, что он всегда оказывается прав.

Ладно, в конце концов, я не завожусь, когда корректор возвращает мою рукопись с исправлениями в каждой строчке.

Я всего лишь писатель, а не специалист по тонкостям английского языка. Ошибки исправляют те, кто не в состоянии писать сам. А теперь пусть правит процессор. Мне от этого только легче.

17 апреля

Кажется, я поторопился, нахваливая свой компьютер. В течение трех недель он исправлял за мной все помарки, и работа шла как по маслу. У нас получилась слаженная команда. Я занимался творчеством, а процессор – техническим воплощением моих идей.

Но вчера вечером он вдруг отказался работать. Какие бы клавиши я ни нажимал, на экране ничего не менялось. Компьютер был включен, напряжение в розетке было нормальное,

я делал все, как положено. Но машина не работала. Вот тебе и «раз в пять лет», подумал я. Прошло всего четыре с половиной месяца, а полетело сразу столько деталей, что процессор встал как вкопанный.

Теперь придется ждать, когда с завода пришлют необходимые запчасти. Разумеется, это произойдет не завтра. Понятное дело, я лез на стенку от злости. Снова садиться за машинку, а потом от руки исправлять ошибки или перепечатывать целые страницы уже не хотелось.

В ужасном расположении духа я улегся в постель и долго не мог уснуть. Утром, едва успев перекусить, я ворвался в кабинет и направился к компьютеру. Кажется, он сумел прочесть мои мысли и понял, что шутки плохи. Я был готов сбросить его со стола, с еще большей радостью я вышвырнул бы его в окошко. Как бы то ни было, процессор заработал! Причем сам. Я не притронулся ни к единой клавише. Слова появлялись на экране гораздо быстрее, чем я сумел бы их напечатать. Началось так:

Абрам Иванов
ОТКАЗОНЕУСТОЙЧИВЫЙ

Я уставился на экран. Процессор продолжал вести мой дневник, рассуждая о себе так, как это делал я, только гораздо лучше. Проза была плавнее, выразительнее, с изрядной долей юмора. Через пятнадцать минут все было закончено, еще через пять принтер сбросил текст на бумагу.

Очевидно, это была разминка, ибо тут же на экране появилась последняя страница моего романа, а потом пошли новые слова. Без моего участия.

Я понял, что текстовый процессор научился писать. Он строчил мои произведения так, как это сделал бы я, только лучше.

Отлично! Больше не надо работать. Компьютер творил от моего имени, моим стилем, но без моих огрехов. Мне оставалось собирать восхищенные рецензии и грести гонорары.

Чего, казалось бы, еще желать!.. Но я не случайно считаюсь самым плодовитым автором Америки. Так уж сложилось, что я люблю писать. И ничем другим заниматься не намерен.

Теперь, когда за меня пишет текстовый процессор, чем прикажете заполнить остаток жизни?